

ЗАХОДЯТ КАК-ТО В БАР ДРАКУЛА, КАЩЕЙ И ЧЕРНОМОР: КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

—
ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

МАРИЯ ТОВИЧ, «МАРАНЕЛЬ» («ПОЛЫНЬ»)

Света, Яша и Нира отправляются собирать северный фольклор в сторону Петрозаводска (это все мудро остается за кадром), но Света вдруг сбегает в лес за каким-то непонятным мужчиной. Яша и Нира идут следом, попадают в пещеру, а после — в подземный мир легендарного народа, Белоглазой Чуди. Чудь эта, правда, совсем не такая, как в легендах и сказках. У них есть невероятная полезная и белковая пища (мечта спортсменов), а все дома сделаны из особого «живого» материала — людям, правда, эти знания они передавать не спешат. А что там со сбегавшей Светой? Оказывается, в ее тело вселился изверг — существо, захватывающее человека изнутри, — по имени Маранель. Героям предстоит провести особый шаманский обряд, побывать в полном драгоценных камней «гнезде» и даже поломать голову над загадками египетской богини Тefнут, чтобы получить волшебного скарабея. Однако ключевой триггер всех событий — не настоящее, а далекое прошлое.

Парадокс, но особенно хорошо в романе то, что главные герои далеко не всегда ладят. Назалось бы, троица Света — Яша — Нира должна быть классической командой друзей-подростков, которые друг другу помогают, храбро бросаются в бой (слабоумие и отвага — девиз молодости). Однако Мария Тович разыгрывает другую карту. Дуэт Яшка — Нира работает на контрасте. Яшка — эгоист, лицемер, трус, он не готов спасти свою девушку (Свету), но всячески будет подлизываться к ней при первой возможности. Нира — полная его противоположность. Герои конфликтуют чуть ли не на каждой сцене, и это добавляет книге динамики: наблюдая за этой бурной реакцией (будто ментос бросили в нолу), читатель не замечает, как вдруг начинается следующий эпизод романа, и еще один, и еще. Заурядные дружески-командные отношения сделали бы текст сухим, чересчур приторным и в целом невозможным к употреблению.

Мария Тович берется одновременно и за осовремененное этническое фэнтези, и за приключения, в хорошем смысле возвращающие читателя в детство: перед героями сто и одно испытание, и с каждой страницей они узнают на сто и один фант больше о чудесах нашего мира. Получается весьма необычное сочетание и реальных мифологических персонажей, и авторской фантазии — весьма специфичная эклентика, идущая роману только на пользу. Однако тем, кто не очень любит «осовременивание» фольклорного материала, такой ход может показаться странным. Чудь Белоглазая здесь, конечно, не пользуется айпадами, но «технологии» у них весьма инновационные, да и мыслят, говорят они тоже весьма в стиле XXI века. На то и авторская ставка. При этом все мифотворчество не тормозит сюжет: в книге постоянно что-то происходит. Это не попытка просто наполнить роман пустым экшеном и бесконечными загадками. Да, «Маранель» — квест, но квест очень грамотный, без нарушения причинно-следственных связей; все эти нити расползаются примерно как линии-дорожки в настольной игре, где с каждым броском кубиков предстоит выполнять новые и новые задания; но, сами по себе разноцветные и не всегда идеально сочетаемые, линии эти ведут к единому и выдержанному логическому завершению. Кстати, Чудь Белоглазая в романе чуть ли не важнее главных героев. Такой подход сбавывает, ведь «Маранель» — не очередной young adult просто о сомневающейся в себе и взрослеющей героине, а история многовеновой любви и мести, которые находят самые невероятные пути, чтобы из прошлого просочиться в настоящее.

«— И зачем тебе сдался этот изверг, точнее, эта Маранель?»

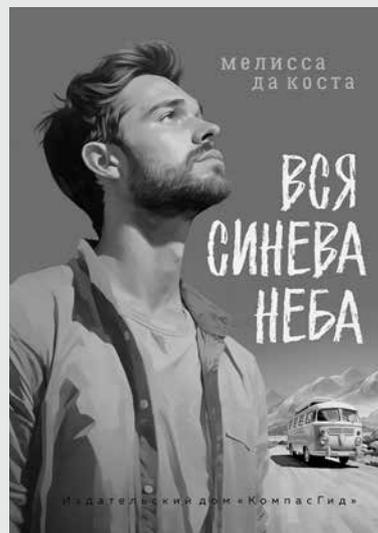
Свен перевел взгляд на безмятежное озеро, дымка над ним рассеялась, и лучи света, отражаясь от водной глади, затанцевали на напряженном лице мужчины.

— Хорошо. Чтобы тебе было понятнее, я расскажу историю одной девочки, у которой погибли родители, и растила ее бабка, шаманка. Шаманы существовали давно, почти столько же, сколько изверги. Они знали праязык лучше всех других и могли на нем разговаривать. Они хранили и передавали из поколения в поколение тайные знания и умения. Именно к ним приводили обращенных людей, тех, в чьи тела сумели пробраться черные души извергов.

Главная цель этих чудищ — добраться до человека... человека, живущего внутри Земли. Изверг способен полностью сливаться с телом того, кого захватил. Первые признаки, по которым его можно вычислить, рассыпаются. Ни точек на радужке, ни противного голоса, ни запаха со временем уже не заметишь. Ничто не выдает его присутствия, кроме внезапно изменившегося характера. И если душа лопаря через короткое время засыпает, то душа человека мечется внутри, запертая, как в клетке, наблюдая, как изверг разрушает ее жизнь. Три дня она борется, а потом навсегда сливается с черной сущностью».

НИМ НЬЮМАН, «ЭРА ДРАНУЛЫ» («МИФ»)

Имя Кима Ньюмана российскому читателю почти незнакомо — и, как оказалось, очень зря. Но об этом чуть позже. Роман начинается с предисловия Нила Геймана (его имя точно на слуху), который рассказывает все об авторе — оначивается, они знакомы и дружны много лет, и «Эра Дранулы» рождалась у Геймана на глазах. Будто бы чувствуется легкое —

нет, не просто влияние, а скорее взаимовлияние писателей друг на друга. «Эра Дракулы» — мастеровито сделанная альтернативная история с готической атмосферой, где в Англии вместе с королевой Викторией правит Влад Цепеш (он же граф Дракула). Эта игра не только с хроникой, но и с литературными источниками: читатель встретит на страницах и Шерлона Холмса (который был сослан в своего рода гетто за несогласие с правилами игры нового правительства), и его брата Майнрофта, и доктора Дженила, и даже Оснара Уайльда — его очень литературную версию, — который стал вампиром и «пьет кровь юношей», но не перестал выдавать искрометные каламбуры. Много фантов здесь подстегают под реалии альтернативного Лондона: так, например, серебряные монеты больше не чеканят, потому что вампирам это не особо по душе.

С одной стороны, Ним Ньюман делает стилизацию под классический викторианский роман, где герои вечно беседуют друг с другом, ведут дневники, читают письма, проводят время в клубах; с другой стороны, автор выстраивает четкую детективную линию с местным Дженком-потрошителем, который пользуется серебряным ножом... Да только детектив очень быстро оказывается псеводетективом и превращается в историю о народных волнениях и грядущей революции. В конце концов, любая альтернативная история — реальность сама по себе сломанная, обреченная на гибель, ведь искаженные хронологии несут для героев и общества больше проблем, чем пользы. Этим Ним Ньюман, опять же, прекрасно доказывает знание жанра. Ну а зрелищный, мрачный и готический (нельзя просто так взять и не повторить это слово в обзоре несколько раз) финал убедит в этом даже снептиков. Кстати, забавно, но у французского автора Виктора Динсена в русском переводе не так давно вышла young-adult-трилогия «Вампирия», где в альтернативной Франции Людовик XIV стал вампиром. Любителям таких тропов стоит обратить внимание и на романы

этого автора — удивительно, но при всей схожести фантастических допущений они совсем не похожи на «Эпоху Дранулы».

«— Пенелопа, Чарльз, — сказал Годалминг, — я пью за вас...

Раскрыв рот широко, до краев, как кобра, лорд присосался к запястью Бесси, легко проткнув кожу заостренными резаками. Он слизнул струйку крови. Вся компания была зачарована. Пенелопа прижалась ближе к Боре-гару, щекой к его плечу, но не отвела взгляда от Годалминга и служанки. То ли делала вид, то ли кормление вампира ее действительно не беспокоило. Лорд жадно пил, и в какой-то момент Бесси покачнулась, колени ее подогнулись. Веки девушки трепетали от чего-то среднего между болью и наслаждением. Наконец она тихо упала в обморок, и Годалминг, выпустив запястье, умело ее подхватил, словно любящий донжуан, удерживая на ногах.

— Вот какой эффект я производжу на женщин, — сказал он, и зубы его рдели от крови, — и это крайне неудобно».

МЕЛИССА ДА КОСТА, «ВСЯ СИНЕВА НЕБА» («НОМПАСГИД»)

В 26 лет Эмилю ставят диагноз «ранний Альцгеймер». Память его постепенно рушится. И без того вымотанный не самой интересной работой (оператор между отелями и клиентами) и раненный неудачным любовным опытом, Эмиль решает сбежать — уезжает на немпинг-наре и находит в интернете попутчицу, Жоанну (вегетарианка, любит черное, обожает фейерверки и боится грозы). И все кажется простеньким роудмуви, пока болезнь Эмиля не обостряется — он забывает; забывает Жоанну, забывает даже слово «парк». Но бегство в итоге оказывается спасением. Нах минимум — морально-психологическим.

«Вся синева неба» — роман пленительно простой. Здесь много диалогов, сюжет — прост и не витиеват, а арка персонажа даже слишком выпукла: так, что о нее ударяешься головой. Но это, как в бесконечных комедиях условного Netflix, подкупает. Однано Мелисса да Коста предлагает читателю драму, некоторые фрагменты которой пробирают до слез: особенно удалась письма Эмиля родным и его дневниковые записи. Первую треть роман расначивается и только потом начинает нестись на полных скоростях — там и герои станут принимать серьезные решения (написать бывшей возлюбленной или нет?), и болезни примутся прогрессировать. Но «Вся синева неба» — роман не только о последствиях болезни. Это прежде всего история о дружбе, любви и семейных отношениях. Мелисса да Коста отправляет и героев, и читателей в нвест на поиски счастья — оказывается, далеко ходить не надо было. Оно всегда ждало рядом. Однано нинаних чудес не предвидится — финал у книги пусть отчасти предсказуемый, но зубодробительный. Если плакать над романом, то по-настоящему.

«Он заставляет себя встать со скамейки, невзирая на усталость и припекающее солнце. Ему не терпится скорее вернуться в их домик, но, встав, он не в силах двинуться с места. Он потерял ориентацию. От жары? Может быть, у него солнечный удар? Он не знает, куда идти. Не знает, в какую сторону повернуть. Черт побери, не сходи с ума. Этой дорогой он ходит каждый день уже больше месяца. Но сегодня он растерялся. Он не знает, по какой улочке идти. На сей раз это конец, старина... С тобой покончено. Все летит к чертям. Он еще пытается уговорить себя, что это

от солнца, что у него наверняка солнечный удар. Но сам знает, что это неправда. Врачи его предупреждали: первыми симптомами будут трудности в выполнении профессиональных задач, обмороки, провалы в памяти».

НСЕНИЯ ВЛАСОВА, «ИЗБУШНА НА КОСТЯХ» («МИФ»)

Василиса живет с мачехой и сводными сестрами. Все считают, что ее погибшая мать была ведьмой, а потому верят, что в Василисе течет дурная кровь. Однажды вместе с Тимором — верным другом, в которого суждено влюбиться, — девушка отправляется к Бабе-Яге, по пути проходя лесные испытания. Яга — тут она вовсе не старуха — принимает ее чуть ли не как родную. Теперь Василисе предстоит не только познакомиться с местным людом (как минимум Водяным и Нашеем), но и раскрыть тайну матушкиной нуолки, узнать правду о Тиморе и принять тьму внутри себя — сделать это особенно страшно. Тем более когда влюблена.

«Избушка на костях» — романтическая история с нотками нвеста, упакованная в красивый антураж древнерусских сказок. Если быть точным, то в их ретеллинг. Василиса сталкивается с Бабой-Ягой, и, традиционно, все вокруг считают, что она рано или поздно займет ее место. Только Василиса сама не понимает, чего хочет. Если примет свою истинную сущность — оправдает все гадные ожидания родственников; если не примет — сама, возможно, будет жалеть. «Избушка на костях» держится скорее уж не на костях, а на постоянных испытаниях для главной героини, тоже чисто сказочных: сходи к Водяному, поговори с Братцем Красо Солнышко, собери ведьмовской травы...

Впрочем, это лишь фоновая часть книги. В остальном же роман Нсении Власовой — крепкая романтическая история с двумя любовными линиями (Василиса и Тимор, Яга и Нашей) которая может показаться некоторым чересчур простой, линейной и предсказуемой. Однако книгу стоит читать не за хитросплетение интриг. «Избушка на костях» — прежде всего история о принятии себя, помогающая сделать выбор и прислушаться к своим желаниям даже в самой сложной ситуации. И, кстати говоря, роман написан намного сильнее «Рона и Нары» — предыдущей книги автора в «МИФе», — пусть и выстроен тоже вокруг отношений: семейных, романтических, дружеских. Здесь есть много ярких и удачных поэтических образов, а местные Яга с Нашеем цепляют читательское внимание не только новыми обликами, но и новыми характерами.

«— Ко мне всякий люд ходит, — задумчиво проговорила она. — Кто-то себя ищет, но им я не помощница: тем только зеркало в руку взять, и все поймут. Да только тяжела для них ручка того зеркала... Кто-то жаждет узнать правду. Таких тоже много, но не поймут они, что правды этой, как соломы в стогу — выбирай любую. Есть и те, кто грезит помогать. Вот только им, прежде чем лезть к другим, с собой бы разобраться. Много, много всякого люда ко мне заглядывало... Но за ответами лишь ты одна пришла. Как тебя звать-то?»

Дыхание сбилось. Выговорить имя получилось лишь с запинками:

— Вас-с-силиса.

— Ну что же, Василиса. — Незнакомка посторонилась, словно пропуская меня внутрь. — Меня зовут Ягой. Проходи, коль за ответами пришла.

Я во все глаза уставилась на ту, кого в народе прозвали Бабой-Ягой. Неужто это она предо мною? Ни морщин, ни бородавок на носу, ни сгорбленной спины! Злые языки болтали, что в избушке на краю леса живет вредная старуха, но то женщина, что я видела, была молода и красива».

АНАСТАСИЯ АНДРИАНОВА, «КУКЛА УПЫРЯ» («ИРГА»)

Читатель знает Анастасию Андрианову по крупной прозе — фэнтези-циклу и ретеллингу сказки о жар-птице. Уже в предисловии автор признается, что все рассказы сборника — их всего три — были попыткой эксперимента с темами, сюжетами и языком. Итого перед читателем: философская притча постапокалипсис, где главный герой — это сам Страх, его воплощение; мистический хоррор в стиле «Стивена Нинга по-русски» и очень условное городское фэнтези про ведьм и упырей. Звучит достаточно пестро, однако все истории, помимо экспериментальности, пронизаны большим вниманием к языку и деталям — каждая мелочь тут играет либо на сюжет, либо на атмосферу: от ржавых разводов на капоте машины до порядка появления героев рассказа-притчи. То ли так и было задумано, то ли что-то вышло из-под контроля, но все тексты вышли почти одинаково образными, протяжными и напевными, пусть и написаны в несколько разном ритме, задают разное настроение. Парадоксально, но короткая проза у Анастасии Андриановой получается мастеровитой крупной — видимо, не жмут рамки сюжета, можно вдоволь разгуляться и не щадить на текст красоты. Сборник, скорее всего, подойдет тем, кто ценит рассказы в духе классиков: с меньшим упором на сюжет, но большим — на слог, посыл и скрытые смыслы.

«Жутко хочется курить, но в мире После табак не растет. Слишком уж любит солнце. Иногда я думаю, что каждый человек — немного табак: люди чахнут, пусть сто двадцать лет во мгле не убили их, а все же истинный конец близок.

Он ждет меня у Разлома, как всегда. Сегодня — день нашей уговоренной встречи. Его клубящееся бесплотное тело как всегда непроглядно черно, чернее даже вековых древесных остовов и вздыбившихся земельных гор за Его спиной.

– Здравствуй, брат Страх.

Он насмежается, называя нас всех братьями. Он был еще тогда, когда землю не топтал ни один зверь, когда океан наполняли лишь мелкие, незначительные твари. Я пришел чуть позже, засел в головах у рыб, вместе с ними вышел на сушу и в итоге крепко-накрепко привязался к людям. Да, я старше Стыда, Зависти, Горя, старше даже Любви, но не брат Ему.

– Здравствуй, Смерть».

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ, ЦИКЛ «ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА. УДАВ И ГАДЮКА» И «ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА. ХОЗЯЕВА СЕВЕРА» («МИФ»)

История простого паренька Уильяма, случайно подружившегося с водным духом и получившего бессмертие от умирающего вампира, продолжается. В первом романе Евгения Штольц объясняла, что к чему, и развешивала декорации мира. В последующих двух наконец-то начинает играть с заготовками в полную силу: тут то суды и заговоры, то ехидна (читай: гидра) разоряет дома, то некое древнее существо вот-вот пробудится. Читатель почти буквально шуршит страницами потертого колдовского бестиария (что оправдано названием серии) — в книги Евгения Штольц сбежал целый зверинец чудовищ: тут и фениксы, и наги, и вампиры, и джинны, и оборотни... Однако важно держать голову, что в случае «Демонологии Сангомара» такое разнообразие биологических видов — не баг, а фича. Мир и планировалось насытить зверьем всех мастей.

Евгения Штольц уже первым томом показала, что планирует сагу — тактика у автора есть, и он ее очень грамотно придерживается. Каждый роман серии абсолютно автономен. Глобальной истории идут на пользу таймскипы: между событиями второй и третьей книги прошло оноло тридцати лет, а бессмертный герой все еще бодр и весел. Нет, он не застыл комарином в капле древней смолы — он меняется. Речь, конечно, о внутренних метаморфозах, которые лишь подчеркиваются любыми внешними элементами (Уильям, например, в конце второго тома берет себе новое имя). Вся «Демонология» — большой роман-взросление, где герой просто живет намного дольше положенного, а потому взросление затягивается. И это позволяет Евгению Штольц в каждой книге концентрироваться на какой-то одной теме и не растекаться мыслью по древу: во второй части читатель глубже знакомится с обществом вампиров, в третьей — с водяными тварями-духами (например, нагами и таинственным Спящим). Евгения Штольц не торопится, не напичкивает каждую книгу слишком многим; дает лошадям сюжета идти рысью, зная, что впереди — большая дистанция. Заставь нестись галопом — быстро выдохнешься. С учетом того, что впереди еще минимум два романа, такой ход был бы грандиозной ошибкой.

«– Видишь ли, глупый человечек, – продолжил маг, и в голосе его зазвучало странное, темное величие, – твой Ямес, такой, каким вы себе его представляете, живет лишь в ваших деревянных головах... А вот мы, демоны, стоящие перед тобой, абсолютно реальны. В этом мире никогда не было богов, запомни! Ибо еще до них здесь обосновались демоны. Демоны, которые, возможно, и были полубожествлены вами, но таковыми не являлись... Мне кажется, куда разумнее пытаться договориться с нами, чье существование доказано, чем пытаться взывать к тому, кто не сможет спасти тебя от погибели!»

Все вокруг вмиг сделалось темно-серым, сумрачным, и город оказался укрыт чьей-то огромной тенью. Над Вардами точно сомкнулись грозовые тучи. Как и жители, Юлиан вскинул голову, но небо было таким же ясно-голубым, без единого облака. Что же случилось? Побелевший люд окончательно притих. Все уже пугливо глядели на стоявшего перед ними чужеземца, странного, не верящего в бога, улыбочивого, но вместе с тем отчего-то зловещего».

АЛЕНС РАУЗ, «ТВОИ ТЬМА И СВЕТ. ПРОКЛЯТЬЕ АВЕЛОРА» (LIKEBOOK)

Маг Рид вынужден отправиться в путешествие вместе с молодой графиней Эрин — дорога долгая, а попутчики, как водится, полные противоположности друг друга. Рид бывает хамоват, а Эрин порой, наоборот, чересчур вежлива и даже простодушна. Но, конечно, от ненависти до нормальных отношений один шаг — а там, глядишь, и до любви недалеко. Только вот беда: из-за проклятья своего рода и некоего панта Эрин обращается монстром. Рид буквально закладывает свою жизнь, чтобы помочь ей, и продолжает путь уже с воровной Несс. Из них тоже выходит динамичная парочка. Что же за тайну хранит семья Эрин, какие хитрые политические шаги задумал бывший архимаг, и кто они — семь странных фигур, говорящих о Слиянии?

Роман Алэнс Рауз — фэнтези, которое не боится быть классическим. И правильно делает. Сеттинг здесь, как положено, условно-средневековый; как положено — есть пантеон богов с храмами и церквями (тут каждый из четырех воплощает «людское чаяние»: Светоч, Хитрец, Нарательница, Безликий); как положено — присутствуют магические ордена и школы. Книга намеренно пытается быть классической, и этой ей более

чем удастся. Упор сделан на «приключенческую линию», на потенциально разрешимые квесты главных героев (как сквозные, так и сиюминутные) — пусть масштабные события, которые повлияют на весь мир и маячат где-то на горизонте. На них нет излишнего акцента, Алекс Рауз не перегибает с «эпохальностью» событий, но и не забывает о динамике. В книге каждую пару страниц кто-то кому-то обязательно дает по морде: то драна в трантире, то разборки с разбойниками, решившими поиздеваться над воровной Несс и использовать ее ясно каним образом, то магические ритуалы. «Твои тьма и свет» написана очень в духе романов Алесея Пехова, который тоже весьма органично сочетает «эпохальное» с «бытовым». Роман Алекс Рауз — чтение для тех, кто в потоке бесконечных экспериментов соскучился по классике жанра, да еще и с нерасторопной любовной линией без абьюза. Такое сейчас — на вес золота.

«Эрин с трудом толкнула тяжелую дверь. На нее тут же обрушились пивной смрад и едкий запах дешевого табака. Нежданно чадил полупотухшие факелы, погружая и так небольшое помещение в неприятный полумрак. За столом прямо у входа подвыпившая компания тискала хихикающих девушек в неприлично коротких платьях, и Эрин успела порадоваться, что верный друг смог подобрать ей наряд, скрывающий ее пол.

Больше внутри никого не было, даже хозяин за стойкой куда-то отлучился — и ее появление осталось незамеченным. Откашлявшись, Эрин вошла внутрь. Руки тут же перестали дрожать, и хотя уверенность так и не вернулась, сохранять ее внешнее подобие было несложно. Хороша бы она была, если бы заикалась при первой встрече с будущим телохранителем».

КРИСТИНА ТЭ, «ТАМ ЧУДЕСА» («МИФ»)

Еще один ретеллинг в подборке. Автор сама предупреждает в аннотации: эту историю все и так знают, так что пересказывать сюжет «Руслана и Людмилы» смысла нет. Однако, как и всегда, есть нюансы: мир Кристины Тэ наполнен нуда большим количеством фольклорных существ и элементов (Навь, Правь, богиня Мара), это во-первых; во-вторых, здесь есть новые герои — например, ведьма Фира, которая отправилась с Русланом за возлюбленной. Ну и, как можно было догадаться, все здесь пойдет не совсем по пути оригинала.

Перед читателем образцовый, если не сказать хрестоматийный пример ретеллинга: классический сюжет автор обогащает деталями, наполняет новыми персонажами, а старых делает более психологически достоверными. Так и герои Кристины Тэ проходят каждый свою арку, они — не сказочные деревянные болванчики, а живые люди почти что без кожи, с нервами наружу. Автор делает упор именно на эмоциональную составляющую — любовь и ненависть, гнев и прощение, принятие и отрицание. Так что здешний Руслан удивит читателя своим выбором; а здешняя Людмила совсем иначе взглянет на мир после похищения Черномором. Все события пересказывает Нот Ученый: фрагменты-отбивки с его «речами» после каждой главы удались особенно хорошо. Говоря о романе Кристины Тэ, однако, стоит на дверях няжных хором величиной красоты (а текст местами действительно написан весьма поэтично) вывесить табличку с предупреждением: «Осторожно, стилизация». Здесь она весьма сложная с технической точки зрения, но частое использование устаревших слов и оборотов порой затрудняет чтение. Особенно тем, кому стилистическая игра в «древнерусский сказ» не особо по душе. Язык романа слишком причесан и выверен, а потому теряется его живость. Но, как говорится, Пушкин в гробу не переворачивается — скорее приоткрывает крышечку, вылезает и радуется. Таную игру он бы точно одобрил.

«Не уснул еще?»

Вот и не спи, неча. Там, куда направляешься, во сне недостаток не будет, так что потерпи чуток. Скоро уже, скоро совсем самое любопытное начнется. А пока...

Проходил тут как-то бертенец один, звонкий, хитрый, игру мне показывал с дощечкой расчерченной, по которой надобно фигурки двигать. Занимательная вещица, скажу я тебе. И сражения на той дощечке случаются, и любовь великая, и коварство бездушное.

Вот, считай, герои наши что те фигурки сейчас расставлены, но кто кем обернется по итогу и кто к чему придет...

Что? Думаешь, понял все? Каждого раскусил?

Глупец.

Навь — сама изнанка и других наизнанку выворачивает, встряхивая изнутри все скопленное за жизнь, и хорошее, и дурное. Не угадаешь ведь, какая пакость в твоих закромах затерялась, а она — хоп! — и уже в голове, руками твоими скверну творит.

Так что не умничай, не спи, слушай.

У зла много лиц. Порой они невинны с виду, а порой смотришь в чьи-то глаза и понимаешь: вот оно, зло, как есть зло злущее...»